

По городам Америки

Турне Марининского оркестра

Россия —

мать всех оркестров —
творит чудеса

Оркестр Кировского театра в четверг потряс публику Морристауна таким высоким уровнем исполнительского мастерства, какой доступен лишь немногим оркестрам в мире. Какими бы широкими ни казалось это утверждение, простая истина его становится все более и более очевидной при каждом новом успехе международных гастрольных поездок этого оркестра и его записей. Не вызывает сомнений будущее музыкальной жизни России. Большой театр хиреет, а Марининский — парит. Человек, с именем которого связано такое большое различие — Валерий Гергиев.

В характере Гергиева каким-то образом сочетаются дарование маэстро, воображение поэта, стратегический и тактический талант фельдмаршала. Именно эти качества сыграли значительную роль в том, что Гергиев дал согласие выступить с оркестром в провинциальном штате Нью-Джерси за два дня до выступления в Карнеги Холла.

Гергиев и оркестр приехали в Морристаун по просьбе Александра Слободяника, старого друга Гергиева, живущего уже несколько лет в Америке. Слободяник, инициатор Моррис-фестиваля, пригласил Гергиева и его оркестр открыть этот первый международный фестиваль искусств.

Русские музыканты приехали в Морристаун, говоря на своем собственном языке, в основном на языке музыки Чайковского. Однако первыми звуками, которые услышали присутствующие в зале, были звуки барабанной дроби, с которых Гергиев и оркестр начали исполнение государственного гимна США. Несколько удивило то, что темп был более распевным (протяжным), чем это принято у большинства американских оркестров.

Когда была завершена официальная часть, оркестр под управлением Гергиева исполнил прелюдию к "Парсифалу" Вагнера, чем буквально взорвала публику. Обращение Гергиева и оркестра к музыке Вагнера — это возрождение давней традиции Марининского театра. Оркестр именно этого театра дал первое исполнение в России "Кольца нибелунгов", "Тристана и Изольды", "Майстерзингеров" и "Парсифала". Сам Вагнер в 1863 году стоял за пультом этого оркестра, который тогда назывался Оркестром Русской Императорской Оперы.

Слово "императорский" прекрасно характеризует стиль Чайковского. Прекрасно подходит оно и для описания стиля оркестра Кировского театра — прямого наследника Оркестра Императорского театра. Стиль этот отличает величавое, благородное и страстное звучание, подразумевающее само собой техническое совершенство.

Гергиев и оркестр безукоризненно исполнили все номера из произведений Чайковского: вместе с басом-вeterаном Джеромом Хайнсом они впечатляюще исполнили арию Греммина из оперы "Евгений Онегин", они обеспечили поддержку Слободянику, который дал поэтическое и блистательное прочтение Первого фортепианного концерта, они дали необычайно свободное, трепетное, полное жизни прочтение Пятой симфонии. Это был вечер сплошных ваций.

Майкл РЕДМОНД
Стар-Леджер,
1 октября 1994 года

На празднике русской музыки

Почти каждое выступление Валерия Гергиева, которое я слышала в Нью-Йорк Сити, оставляло после себя приятное воспоминание о звуке, музыкальном эффекте или идее, воспоминание, которое продолжало звучать еще долго после того, как представление было окончено. В прошлом сезоне Гергиев представил поразительную работу по "Картинкам с выставки" Мусоргского в Нью-Йоркской филармонии; это была яркая, образная картина, написанная сильными, смелыми мазками. Он также дебютировал в Метрополитен Оперы, дирижуя "Отелло" Верди; и его представление партитуры, наполненной соперничанием, оказалось идеальным для современного выдающегося

исполнителя главной роли Пласидо Доминго.

В прошлые выходные в Карнеги Холл состоялось выступление оркестра Марининского театра под управлением Гергиева, который приехал в турне по США, включающее 12 городов. Гергиев вновь показал, почему его выступления вселяют мысль о своего рода чуде, которое обычно приберегалось для русских гастрелей во времена "железного занавеса". Несмотря на огрехи в некоторых выступлениях, этими двумя концертами, на которые были распроданы все билеты, он вновь подтвердил, что является одним из наиболее выразительных современных исполнителей русской оркестровой музыки.

Настоящим триумфом в воскресенье вечером явилось исполнение на бис финальной части "Жар-птицы" Стравинского. Изысканность и небрежность смешались в вихре отточенного до совершенства звука. "Колыбельная" была исполнена с такими любовью и изяществом, которых можно было бы только пожелать.

У Гергиева есть особая манера подавать знам своим музыкантам, чтобы поддерживать их, не ослабляя при этом основного напряжения музыкальной линии, — это едва заметное движение пальцев левой руки, в то время как правая величественно удерживает равновесие музыкального ритма. Именно так рождается эта музыка. Всегда есть какая-то недосказанность, что-то скрытое, смутное ожидание того, что должно последовать, даже во время возникающих в партитуре взрывов звука. Гергиев — это дирижер, четко представляющий свою цель и настойчиво идущий к ней, удерживая в поле зрения всю партитуру, увлекая музыкантов своей хорошо продуманной версией произведения, и в то же время то, что мы слышим в результате, не имеет ничего общего с холодным расчетом и анализом.

Подобное можно было наблюдать неоднократно. Увертюра к "Парсифалу" Вагнера, представленная в субботу вечером, была грандиозно задумана и исполнена, завершаясь таинственными, подобными органу переливами звуков. Фрагменты из оперы Мусоргского "Хованщина" были исполнены музыкальными фразами, как бы пронесенными на одном дыхании и возникающими в четко размеренном ритме.

Как аккомпаниатору Гергиеву удалось уловить и раскрыть две стороны в музыке Прокофьева. В субботу вечером Первый скрипичный концерт в исполнении Виктора Третьякова звучал одновременно и игриво, и спокойно, и уверенно; игра обоих исполнителей была сдержанной и элегантно. В воскресенье Александр Торвадзе буквально пронзил публику своим исполнением Пятого фортепианного концерта (точно следуя указаниям композитора); в идiosинкретическом, поразительном по силе и глубине прочтении сольной части можно было слышать характерное для него сочетание тщательно продуманной игры и красочной импровизации.

Я отложил обсуждение двух основных концертов, во время которых были исполнены Восьмая симфония Шостаковича и Вторая симфония Рахманинова, поскольку достижения Гергиева в других работах легко затмили эти две. Конечно, здесь было и блестящее дирижерское мастерство, и впечатляющий фейерверк музыкальных эффектов. Но эта симфония Рахманинова остается для меня бесконечной тайной, которую лучше пытаться постигнуть, слушая ее в записи. А в трактовке Шостаковича было упущено что-то главное, обобщающее, что я ожидал услышать. Эта симфония, своего рода Малерова энциклопедия сарказма, напыщенности и ужаса, так и осталась собранием прекрасных выполненных фрагментов; Гергиев уделяет слишком много внимания деталям, а в результате теряется перспектива.

Но это лишь является мерой его таланта — слабость исполнения этих двух произведений не смогла испортить общего впечатления от его выступлений. Мне ничего не хотелось слушать после исполнения на бис Стравинского, даже несмотря на то, что в финале к ликованиям полной энтузиазма публики (что, впрочем, было вполне оправдано) были исполнены венгерские танцы из "Осуждения Фауста" Берлиоза.

Эдвард РОТШТЕЙН
Нью-Йорк Таймс,
4 октября 1994 года